

Исследовательские проекты

VR Представляемый проект в 2005 г. прошел через многоступенчатый отбор в рамках международного конкурса «Multidisciplinary Research and Intermediation (MIR)», организованного при участии Консорциума экономических исследований и образования (EERC). Проект выполняется при поддержке Глобальной сети развития (Global Development Network) и Всемирного банка.

СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОВЕДЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Участники проекта: О.В. Синявская, С.В. Захаров, Д.Х. Ибрагимова, М.А. Карцева

Сроки реализации проекта: июнь 2005 г. – октябрь 2006 г.

Постановка проблемы

Интуитивно ясно, что занятость и рождаемость – это два конкурирующих вида деятельности женщин, по крайней мере, в отсутствие институциональных форм ухода за детьми (няни, детские сады, группы продленного дня и пр.). С этой точки зрения интригующими представляются следующие факты российской действительности.

- С самого начала радикальных экономических преобразований и одновременно с падением реальных доходов и распространением безработицы уровень рождаемости существенно сократился, но затем немного подрос одновременно с оживлением экономической ситуации.
- Уровни экономической активности и занятости женщин демонстрировали аналогичную динамику, увеличившись для всех возрастов, включая самые молодые (15–24 лет), начиная с 1999 г.
- Несмотря на снижение экономической активности в 1990-е гг., уровень участия российских женщин на рынке труда остается выше, чем во многих развитых странах, в том числе экономическая активность молодых женщин – по меньшей мере, не ниже, чем в странах ЦВЕ.
- В то же время охват детей дошкольными образовательными учреждениями сократился.

Изучение взаимовлияния стратегий в отношении рождаемости и стратегий занятости в России не имеет столь богатой истории, как в западных странах. Результаты недавно появившихся эмпирических исследований рисуют противоречивую картину. С одной стороны, подтверждено значимое отрицательное влияние числа детей на предложение труда женщин, особенно молодых возрастов [Рошин 2003]. С другой – выводы, полученные при анализе данных микропереписи населения 1994 г. [Kharkova, Andreev 2000], данных RLMS [Kohler and Kohler 2001; Рошина 2005], звучат обескураживающе для интерпретаторов, привыкших к банальным объяснениям феномена низкой рождаемости в России. Вероятность

¹ Авторы выражают благодарность Консорциуму экономических исследований и образования (Инк.) за финансовую и профессиональную поддержку в работе над проектом (грант № R04-9161). Консорциум финансируется за счет средств, предоставленных Фондом Евразия (из средств, предоставленных Агентством Международного развития США (USAID), Всемирным банком, Корпорацией Карнеги, Правительством Швеции, Королевским Министерством иностранных дел Норвегии).

рождения ребенка оказывается не связанной однозначно негативным образом с уровнем материального благосостояния, кризисом на рынке труда, неопределенностью положения в занятости.

В современном российском политическом дискурсе отсутствует разделяемая большинством позиция относительно того, как государство должно выстраивать свои отношения с семьей и домохозяйством. Одна точка зрения состоит в том, что государство должно взять на себя гораздо большую роль в заботе обо всех семьях и детях (посредством резкого повышения семейных пособий, возможно, выплачиваемых всем семьям с детьми, стимулирования высвобождения женщин с рынка труда, введения «налога» на бездетность, развития ипотечных программ и пр.). Согласно второй точке зрения, активность государства должна быть ограничена только помощью наиболее уязвимым семьям (с большой иждивенческой нагрузкой, с инвалидами, неполным семьям, семьям, потерявшим кормильца, имеющим больных детей и пр.), а других надо стимулировать к самообеспечению посредством расширения рыночной занятости, в том числе создавая условия занятости для наиболее уязвимых групп, куда традиционно включают многодетные и неполные семьи. Обе позиции нашли отражение в правительственных документах, однако заявленные в них цели слишком широки, чтобы можно было сказать, какой же из подходов возьмет верх.

Решения о рождении детей и об участии в рабочей силе относятся к числу важнейших решений домашних хозяйств. Современная экономическая наука, обсуждая вопросы, касающиеся поведения домохозяйств, признает, что индивидуальное поведение отражает результаты решений, которые принимаются внутри семьи в результате переговорного процесса [см. обзор в работе: Killingworth, Neckman 1986]. Домохозяйства, в свою очередь, значительно различаются по механизму принятия решений внутри семьи, начиная от полной диктатуры со стороны одного из членов семьи и заканчивая демократическим типом принятия решений. Последний может проявляться как в форме индивидуального поведения в рамках существующих семейных ограничений, так и в форме коллективного принятия решений. Существующее различие в процедурах принятия решений внутри домохозяйств приводит к различному поведению членов домохозяйств на рынке труда. В частности, можно предположить, что женщина из более «традиционной» семьи будет, при прочих равных условиях, в меньшей степени вовлечена в рынок труда, т.е. будет с меньшей вероятностью участвовать в рабочей силе или будет работать меньшее количество часов по сравнению с женщиной из менее традиционной семьи. Мы предлагаем разделить все домохозяйства по типу принятия решений в семье, а затем исследовать наличие значимой вариации предложения труда у мужчин и женщин из семей различных типов.

Далее мы обратимся к вопросу о том, как взаимосвязаны занятость и репродуктивные намерения. В России вплоть до недавнего времени рождение первенца вообще было всеобщим, жестко нормированным на социокультурном уровне явлением, а потому вероятность рождения первого ребенка и не коррелировала с факторами экономического положения индивида и конъюнктурным состоянием экономической среды в целом. Откладывание времени появления на свет первенца и взрывное распространение практики рождения ребенка вне официального брака в основных брачных возрастах стали принципиально новыми явлениями в современной России, обнаружившими себя с середины 1990-х гг. [Захаров 1999–2004]. Механизм, который стоит за столь резким пересмотром социокультурных норм формирования семьи, совершенно не исследован. Высказываемые в средствах массовой информации и научной литературе объяснительные гипотезы до сих пор не имели под собой прочных эмпирических оснований. Рождаемость в современной России есть жесткое следование социальным нормам или результат рационального поведения? Будут ли домохозяйства с разными моделями принятия решений демонстрировать и различные формы взаимосвязи трудового и репродуктивного поведения? Чтобы ответить на этот вопрос, учтя в исследовании новый феномен внебрачной рождаемости, мы распространим нашу типологию домохозяйств на домохозяйства без партнера.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить типичные модели поведения российского населения в трудовой и репродуктивной сферах в разных типах домохозяйств, различающихся по способам принятия семейных решений.

Задачи исследования

1. Определить наиболее распространенные модели принятия решений в домашних хозяйствах.
2. Разработать типологию домашних хозяйств, реализующих различные модели принятия решений.
3. Провести оценку моделей принятия решений на рынке труда, в том числе в разных типах домохозяйств.
4. Изучить причинно-следственные связи между рождаемостью и занятостью, оценить вероятность очередного рождения в зависимости от социально-экономического статуса респондента в разных типах домохозяйств и, наоборот, вероятность занятости в зависимости от намерений завести (еще одного) ребенка.

Методология исследования

В рамках данного исследования *семейные стратегии* будут определяться как способ концентрации коллективных усилий членов домохозяйства для достижения / сохранения определенного уровня благосостояния через действия на рынке труда и в сфере домашней занятости. Известно, что понятие «семейные стратегии» трудно поддается операционализации. Поэтому в настоящем исследовании мы будем изучать индивидуальные решения на рынке труда, но оценивая их для домохозяйств различного типа, выделенных по способу принятия семейных решений. Также предполагается изучить взаимосвязи между занятостью респондентов и партнеров и планируемой рождаемостью в разных типах домохозяйств. Мы рассчитываем, что результаты количественного анализа *индивидуальных стратегий* занятости и рождаемости позволят нам на качественном (содержательном) уровне описать *семейные стратегии* в выделенных типах домохозяйств.

Объектом данного исследования выступает взрослое трудоспособное население современной России в возрасте от 18 до 54/59 лет включительно, из которого исключены: учащиеся и студенты, пенсионеры, длительно больные и нетрудоспособные, находящиеся на срочной воинской или альтернативной гражданской службе.

Основные гипотезы проекта

1. Мы предполагаем, что результаты оценивания предложения труда будут неодинаковы для индивидов из различных подвыборок, особенно в том, что касается дохода партнера. Можно предположить, что зарплата партнера будет значимо влиять на решения индивидов из семей «демократического» типа, а также на партнеров глав семей в семьях «шовинистического» типа. И напротив, возможно, что доход партнера не играет значительной роли для людей из «индивидуалистических» семей и для глав семей «шовинистического» типа.
2. Эластичность предложения труда будет значимо варьироваться в зависимости от типа семьи. Можно ожидать, что вероятность выбора полной или частичной занятости также будет сильно зависеть от типа семьи. Также мы предполагаем, что на величину спроса на более стабильную работу в государственном секторе (по сравнению с частным) влияет тип семьи и, возможно, характеристики детей (их число и возраст).

3. Согласно теории человеческого капитала [human capital theory], люди, которые планируют сделать перерыв в карьере, меньше инвестируют в человеческий капитал через обучение на рабочем месте в частности. Следовательно, те женщины, которые в будущем намерены иметь (еще) детей, сейчас меньше работают, или же они с большей вероятностью работают в государственном секторе, чем частном, поскольку первый предоставляет большие социальные гарантии.
4. Основываясь на теории производства в домашнем хозяйстве [household production theory], можно предположить, что мужская занятость (заработная плата) будет положительно коррелировать с планируемой рождаемостью во всех типах семей, тогда как взаимосвязь между женской занятостью и намерениями родить ребенка будет отрицательной в семьях «шовинистического» и «индивидуалистического» типов и не очевидной заранее в семьях «эгалитарного» типа.
5. С позиций модели уменьшения неопределенности [uncertainty reduction model] можно предположить, что нестабильная (неформальная) занятость или безработица в сочетании с низким образованием будет положительно влиять на планы иметь детей. Этот эффект будет слабее для пар с работающим партнером и сильнее для одиночек или неработающих партнеров.
6. Ценность детей определяется социальными и культурными факторами, включая религию, национальность, место проживания человека – в детстве и в настоящее время, размеры родительской семьи (число братьев и сестер). Последний фактор становится значимым для второго и последующих рождений.
7. Факторы, влияющие на намерения родить первого и последующих детей, различны. Первое рождение в основном определяется социальными нормами и культурой, тогда как второе и последующие – экономическими факторами.

Основной **эмпирической базой** нашего проекта будут являться уникальные данные массового социологического опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного летом 2004 г. Независимым исследовательским центром «Демоскоп» (руководители – М.С. Косолапов и П.М. Козырева) по заказу НИСП и при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Института демографических исследований им. Макса Планка (Германия) по всероссийской репрезентативной выборке.

Объем выборки составляет 11 261 респондентов (1 респондент – 1 домохозяйство) в возрасте от 18 до 79 лет из 32 регионов. Дизайн выборки обеспечивает возможность анализа данных как по домохозяйствам, так и по респондентам, проживающим в данных домохозяйствах. Домохозяйство состоит из всех лиц, проживающих на общей жилплощади не менее четырех дней в неделю на протяжении не менее трех месяцев в году². При формировании выборки использовался метод многоступенчатого вероятностного отбора. Сбор данных осуществлялся методом личного интервью.

В структурном отношении вопросник охватывает широкий спектр показателей, характеризующих самого респондента, его/ее супруга/партнера, детей и родителей, живущих как вместе с респондентом, так и отдельно, а также других членов домохозяйства. Российский вопросник включает 12 тематических разделов: *домохозяйство; дети; брак(и)/союз(ы); распределение домашних обязанностей; родители и родительский дом; беременность; бесплодие и планы иметь детей; здоровье и благополучие; деятельность и доходы респондента; деятельность и доходы партнера; имущество домохозяйства, доходы и трансферты; ценности и установки; пенсионное обеспечение и пенсионная реформа*. Две

² Отметим, что в этом определении домохозяйства отсутствует традиционный для российских исследований критерий – общность бюджета.

особенности вопросника принципиальны для данного исследования: во-первых, информация о партнере³ респондента собирается со слов респондента практически в том же объеме, что и о самом респонденте, что расширяет число наблюдений⁴. Во-вторых, в нем содержатся вопросы, относящиеся как к настоящей ситуации респондента и его социального окружения, так и к отдельным прошлым событиям в его жизни (ретроспективным) и намерениям относительно будущего поведения (проспективным).

Помимо данных обследования, в ходе реализации проекта будут использоваться официальные статистические данные, касающиеся занятости, демографических характеристик, доходов и расходов домашних хозяйств.

По итогам реализации проекта предполагается получить следующие основные **результаты**:

- 1) структура российского общества по типам домохозяйств в зависимости от доминирующих моделей принятия решений в семье, демографического состава домохозяйства и ценностных ориентаций респондентов;
- 2) модели поведения на рынке труда в зависимости от типа домохозяйства;
- 3) намерения относительно будущих рождений, структурированные по типам домохозяйств;
- 4) рекомендации для выработки эффективной и согласованной социальной политики – в области занятости и семейно-демографической.

Литература

Захаров С.В. Раздел «Брачность и рождаемость» // Население России. Ежегодный демографический доклад. Центр демографии и экологии человека ИИП РАН. М.: Книжный дом «Университет», 1999–2004

Роцин С.Ю. Предложение труда в России: микроэкономический анализ экономической активности населения: Препринт WP3/2003/02. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
http://www.hse.ru/science/preprint/WP3_2003_02.htm

Роцина Я.М., Байков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005.

³ В обследовании используется достаточно широкое понятие партнерства: партнер определяется как человек, с которым респондента связывают устойчивые, близкие, интимные отношения, независимо от того, проживают они вместе или раздельно.

⁴ С учетом описанных выше ограничений объекта исследования объем выборки составил 6868 респондентов (41% мужчин и 59% женщин), в том числе 4624 человек имели партнеров, проживающих с ними в одном домохозяйстве, еще 827 человек – партнеров, проживающих отдельно. Из 5451 партнера 4967 человек не являлись учащимися, студентами, пенсионерами или военнослужащими.

- Kharkova T.L., Andreev E.M.* Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // *European Journal of Population*. 2000. Vol. 16. P. 211–233.
- Killingsworth M.R., Heckman J.J.* Female Labor Supply: A Survey // *Ashenfelter O., Layard P.R.G.* (eds.) *Handbook of Labor Economics*. Vol. 1. Amsterdam: North Holland, 1986.
- Kohler H.-P., Kohler I.* Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 18. P. 233–262.
- Safilios-Rotschild C.* The Study of Family Power Structure: A Review 1960–1969 // *Journal of Marriage and Family*. 1970. Vol. 32. P. 539–553.